

— Не зевай, ватага! Гуще, гуще сыпь!

Плотник Яшка порожняком сбежал по сходням, спустился в темень угольного трюма, балагурил и подбадривал, ронял на ходу шуточки, как мог веселил уставших людей. Среди «компаньонов» его — такая же плотницкая братия, матросы, кочегары, механики — рабочая кость. А кроме них, тут народ к тяжелому труду не приученный, все больше по научным и творческим сферам — гидрографы, биологи, метеорологи, геодезисты... Есть фотограф, художник и даже кинооператор. «Ноев ковчег» — как кто-то окрестил их плавучий дом, и, с легкой руки этого персонажа, нет-нет да и подхватит кто-нибудь, провожая с завистью гулявших по палубе: «Каждой твари по паре».

Утверждение не слишком правдивое: из сотни пассажиров на судне было только десять женщин, так что пары тут сложились далеко не у всех. Четверо полярников отправились в экспедицию с женами, кроме них — четыре уборщицы, есть женщины и среди научного состава.

Навигация длилась второй месяц, время в пути тянулось медленно, и пока не прибыли на место — царило безделье. Тесные каюты надоели, а пото-

му коротали светлые вечера в прогулках по палубе. Хотя и студено в этих широтах на исходе лета, однако ночи здесь такие же белые, как в родном, оставленном далеко позади Ленинграде...

Сегодня день, когда с бездельем покончено. Аврал на судне. Все «боеспособные», без оглядки на чины и должности, на физическую форму и рост, все свободные от нарядов и дежурных смен — все на перегрузке угля. Да и совесть не позволит никому отлынивать, отсиживаться в темном углу. Большинство на борту знают друг друга не первый год, коллектив закаленный, сколоченный прошлогодней экспедицией.

Яшка спрыгнул на деревянный помост внизу. Брезентовая роба его грубо топорщилась, будто окунули ее в прорубь и дали повисеть минуту на крепком морозе. Угольная пыль скрипела на зубах, щекотала ноздри, порошила глаза. Платок, намотанный на лицо, стал черным и влажным от дыхания. Пыль соединялась с потом, разъедала кожу. Чесалось в подмышках, между лопаток, в паху. Шею натер грубый воротник робы.

По стенам угольного трюма висели прозрачные плафоны, из них лился приглушенный угольной порошей электрический туман. Брикетов с антрацитом оставалось еще много. Яшка на бегу следил за «интеллигентными профессиями», пытался приметить подкосившуюся ногу или жалобный взгляд, понимал, что и у них зудит и чешется, выламывает спину от тяжести, и ждал момента, чтобы подхлестнуть уставшего бедолагу метким словцом.

Ученые труженики покорно подставляли спины под мешки, упорно и невозмутимо шли по сходням наверх, может, только меньше прыти было в их движениях. Они, в отличие от молодого Яшки, ничего никому не пытались доказать.

На плечи Яшке опустили угольный мешок, следом за ним подставил спину для своей порции столичный корреспондент. Был он немногим старше Яшки, всего каких-то лет на пять, и хоть воспитывался в иных условиях, но возраст брал свое: за короткий срок они успели сойтись, почти сдружиться.

— Как настроеньице, Боря? — бросал Яшка через плечо, едва повернув голову.

— Вашими молитвами, господин Кудряшов, — сдержанно выкрикивал журналист.

— Ну ты, господин Промов, без шуточек! Знаешь же, что я таких обращений не выношу, — неслись просеянные через влажный платок слова.

У Промова обличье тоже прикрывал присыпанный пылью «намордник», и еще плотно прилегли к переносице производственные очки, оберегавшие от железной стружки. За их прозрачными стеклами можно было разглядеть лукавый взгляд журналиста. Он любил подшутить над Яшкой, над его простодушием, над медвежьей теменью этого вылезшего из костромских лесов работяги. Промову нравилось наблюдать, как загорались у приятеля глаза, когда он, глядя на железную громадину ледокольного парохода, осознавал размах и силу этого огромного мира.

Плавание длилось уже не первую неделю, а Яшка не растерял восторженного блеска, не уставал восхищаться широтой человеческой мысли и окружающей их природой. Белыми ночами, опершись на леера, они вместе стояли подолгу у борта.

Яшка задумчиво говорил:

— У нас тоже летом сумерки короткие... За полночь стемнеет полностью, но ненадолго, глядишь, уже снова с восхода сереет, тын из окошка видно... Но такой светлой поры ни разу не было, а тут, видно, всегда так.

Промов прятал ухмылку, свой столичный лоск и образование, простецки заявлял:

— Конечно, Яков, это же полярным днем называется. Солнце полгода не садится, горизонт видишь, как близко.

— Если есть полярный день, так и ночь должна быть, — делал нехитрый вывод Яшка.

— Будет и ночь, — соглашался Промов, — только нам желательно бы не застать ее в этих водах, нам лучше, чтоб мы на время полярной ночи во Владивосток пришли.

Яшка сплевывал в океан, с гарантией в голосе отвечал:

— Это уж ты, товарищ Промов, не беспокойся. Отто Юльевич нас туда быстренько доставит. Зверь, а не мужик!

Промов давно понял, что если не весь экипаж, то значительная его часть верят начальнику экспедиции, как богу, и смотрят на него соответствующе.

ЧЕЛЮСКИН. В ПЛЕНУ ЛЕДЯНОЙ ПУСТЫНИ

ше. Вот и Яшка попал под очарование полярного бородача.

Сходни кончились, над головой больше не маячил потолок трюма, ботинки Промова попирали железную палубу. С капитанского мостика свешивалась знаменитая борода, трепал и расчесывал ее холодный ветер.

За авральной перегрузкой угля следило все начальство. Старший над экспедицией — прославленный, облаканный фортуной и властью, обаятельный великан с громовым голосом и недюжинной харизмой. Он — подлинный ученый со степенью — математик, географ, геофизик, астроном, организатор книгоиздания и реформы системы образования, настоящий старый интеллигент, исследователь Памира и Русского Севера, один из основателей и главный редактор «Большой советской энциклопедии», прекрасный организатор и вообще, кажется, нет такой личности, которая бы не ужилась внутри этого советского человека новой формации. Ему все по плечу, его ничто не остановит.

Имя Отто Юльевича Шмидта уже известно половине страны и всему ученому миру. Год назад он проходил этим путем, правда на другом судне, и костяк нынешней экспедиции состоит как раз из тех, кто был с ним в предыдущем походе. Поэтому напрасно ждал Яшка от этих «интеллигентов» слабости или скулежа. Он в свои двадцать лет не пережил и половины того, чего довелось хлебнуть им в прошлогоднюю летнюю навигацию.

Так выпало русским людям — жить в северной земле, так их расселила история и судьба. Потом, став империей, вернутся они на берега родной Балтики и Черноморья, отвоюют у соседей свои законные со времен первых новгородских князей побережья. Не зря переименовали Понт Эвксинский в Русское море, и на четыре столетия оно осталось у многих европейцев и арабов под таким названием.

И Балтика, и Черное с Азовским моря, глубоко врезанные в материковое тело, не решат до конца этот вопрос — Россия, хоть и станет морской державой, но будет сидеть в своих портах с передавленным горлом. Чуть не понравилось соседям — и отрезан русский торговый флот в своем закрытом на замок море, как в чаше, выбраться за пределы ее не может. Да и не эта главная морская беда, а то, что из Одессы или Ленинграда во Владивосток путь долог и затратен: через весь Индийский океан, через половину Тихого, через проливы и чужие земли, порты и базы.

Есть на севере большая и свободная вода, но вся она стянута льдами, и путь этот непроходим... Только не для русских. Прокладывали тут дорогу сначала

ЧЕЛЮСКИН. В ПЛЕНУ ЛЕДЯНОЙ ПУСТЫНИ

ла безвестные поморы — отчаянные головы, рыбаки и зверобои, забирались все дальше на север по ледовому океану, пытались найти его край, измерить неохватные мыслью просторы. Не боялись ни слухов, ни суеверий, ни полярных злых ночей величиною в полгода, ни таинственных разноцветных столбов, манящих и сбивающих путешественников с пути, обманывающих синюю стрелку компаса.

Наступали новые времена, прорубал человек себе путь, рассеивал мрак неизвестности, создавал историю, вымарывал на картах белые пятна, ретушировал их чернилами, строил пристани и фабрики, рисовал кромку побережья. Высекали изо льда свои имена: Дежнев, Чириков, Беринг, Челюскин.

Рушились империи и возникали на их обломках новые государства. Скакала по земной коре цивилизация — радиоволной, самолетным шасси, дизельным двигателем. Вместе с достижениями науки и техники появлялись новые способы уничтожения человека, свержение его во мрак Средневековья, заталкивание цивилизации в преисподнюю.

Народы и страны, пережившие четырехлетнюю бойню, задержали дыхание, полагали, что мир, ими подписанный, всего лишь передышка, временное затишье перед еще более страшной битвой. Они искали в космосе и повседневной жизни знаки, указующие на новый апокалипсис.

1933 год был в чередѣ этих магических откровений. В сердце Европы, в обиженной, проигравшей

войну стране, к власти пришел необычный сверхчеловечишка. Корчась на публичных трибунах перед киноаппаратами и тысячными толпами, он без стеснения заявлял о таких вещах, от которых цивилизованное общество покрывалось бледным налетом. Он провозгласил за правило: нет ничего плохого в том, если для счастья своего народа придется уничтожить несколько других народов, ведь они неполноценны, как и американские индейцы, принятые конкистадорами за особый род обезьян и почти стертые с лица обоих материков. Именно этот сверхчеловечишка задал ритм, под который крутилась планета следующие тринадцать лет. На материковой и островной Европе всерьез задумались: а вдруг он и нас завтра объявит неполноценными народами? Придется снова отливать пушки... Видит бог, мы этого не хотели, и уже привыкли перековывать мечи на орала.

В единственной на земном шаре республике победившего пролетариата тоже насторожились — в стане врага прибыло. От сотворения нашей ново-рожденной страны до сих пор поглядывали на нас с опаской: «Что это за страна такая, где правит не тот, кто имеет деньги, а тот, кто пользуется всеобщим уважением? Где это видано, чтобы такие люди могли управлять? Что за дикость давать женщине право голоса на выборах?» Раньше-то хоть была надежда на одну страну, чаша весов там, после окончания мировой бойни, постоянно качалась — то наша рабочая партия верх брала, то ее

сбрасывали, и снова было непонятно, чья возьмет. Теперь ясно, что наших сторонников в этой стране согнул в бараний рог победивший сверхчеловечиска. Он объявил нас самыми главными врагами, мы для него страшнее тех, что лежат на западе от его земель.

Эти-то — за стеной Мажино спрятаться задумали, и те, что на острове своем, как на плавучем авианосце, от них нам особой угрозы нет, только газетная ругань и возмущение, они в драку не полезут. Им хватило, когда они в революцию от нас на пароходах убегали, связываться с нами не станут. А вот эти, которые в прошлый раз четыре года в одиночку отбивались от всех и чуть было не победили, вот от этих самая главная беда, с ними будем рубиться до последней крови. И раз предстоят нам скоро тяжелые битвы, то времени для подготовки все меньше и меньше. Надо осваивать новые пути, месторождения и пространства.

Дорога вдоль северного побережья тяжела, но в несколько раз короче, чем вокруг Индии. С освоением этой дороги открываются огромные перспективы: доставка грузов на Дальний Восток становится более упрощенной, чем по ветке Транссиба; через трассы великих рек становится доступным непроходимое сердце Сибири — алмазы Якутии, золото Колымы, оловянные рудники Чукотки, нефтеносные жилы Ямала. А еще никель, сланец, магний, уголь, ртуть... Дотянутся океанские лесовозы к утопающим в дебрях берегам Енисея и Лены. Все

так необходимое для крепнущей обороны, для вероятного марша в индустриализацию.

Северный морской путь короток, как июньские сумерки в Ленинграде. За два относительно теплых для Заполярья месяца необходимо пройти путь в десять тысяч морских миль: от незамерзающего порта в Мурманске до Берингова пролива. За этим узким горлом между Чукоткой и Аляской океан уже теплый, в отличие от ледовых арктических морей.

Впервые этой дорогой от начала до конца Шмидт прошел в 1932-м, на ледоколе «Александр Сибиряков». Отправляясь в поход, он собрал опытную команду, капитаном был Владимир Воронин, ходивший со Шмидтом на «Седове» за три года до этого в экспедицию по изучению Севера. В тот раз они обследовали Землю Франца-Иосифа, организовали в бухте Тихой на острове Гукера полярную станцию. Во время похода «Седов» установил рекорд свободного плавания в полярных льдах.

На следующий год, летом 1930-го, из Архангельска вышла новая экспедиция и взяла курс на Новую Землю. Руководил опять Шмидт, заместителем его был Владимир Юльевич Визе, ученый с великим багажом северного научного опыта, ходивший в экспедицию с Георгием Седовым, чье имя теперь носило их со Шмидтом исследовательское судно. Еще у Визе был опыт организации спасательной миссии — когда в 1928-м потерпел крушение дирижабль «Италия», но ледокол «Малыгин», на кото-

ром отправился Визе выручать итальянцев, затерло льдами в Баренцевом море, и он выбыл из экспедиции. Визе об этом своем неудачном опыте вспоминать не любил.

Ледокол «Седов» отправился исследовать северную часть Карского моря, куда до этого никогда не заходили корабли. Визе высказал теорию, что там находится неизвестный пока еще остров. Корабль прямым курсом пошел к Земле Франца-Иосифа, оттуда заглянул на Новую Землю и по 79-й параллели проложил прямой курс к Северной Земле. Наконец среди льдов появились разводья, и Визе первым ступил на предсказанную им неведомую сушу. Это была пустынная земля, поросшая лишайниками и гнездовьями птиц, площадью в триста квадратных километров. Были еще открытия и острова, получившие названия Воронина и Исаченко. В предпоследний день августа на Северной Земле открылась полярная станция, среди унылого пейзажа и серых от скудного солнца льдов хлопало полотнище алого вымпела.

И вот в третий поход взял с собой Шмидт испытанного капитана. Воронин был старым морским волком, к тому же еще и природным помощником, в его жилах текла кровь бесстрашных покорителей Севера, русских первопроходцев. Близкий его родственник — Федор Воронин, участвовал в спасении австро-венгерской полярной экспедиции Вайпрехта и Пайера после крушения во льдах их корабля «Адмирал Тегеттгофф» больше полуве-

ка тому назад. Да и сам Владимир Воронин водил «Седова» в поисках затерянного экипажа итальянской экспедиции Умберто Нобиле. В тот раз найти страдальцев суждено было не его команде.

В экспедиции 1932 года ледоколу «Александр Сибиряков» с самого начала повезло — Карское море оказалось чистым, без сплошного покрова из льдов. Половину пути «Сибиряков» прошел как по маслу. Лишь в Чукотском море ледокол отломил часть гребного вала с винтом, судно обездвижилось, пустилось в свободный дрейф. Команда достала из трюмов брезент, которым укрывали уголь, люди растянули черные паруса. Под этими пиратскими полотнищами с попутным ветром «Сибиряков» вошел в Берингов пролив, где его взяли на буксир и оттащили в Петропавловск-Камчатский для ремонта. Сквозной переход по Северному морскому пути провернули за одну навигацию — два месяца и пять дней.

«Сибиряков» оказался мощным судном и получил в награду орден Трудового Красного Знамени. Всю дорогу ледоколу сопутствовала удача, Шмидт закрывал глаза на возникавшие было трудности и неудачи, окончательно поверил в свою звезду. Несмотря на то что ледоколов и ледорезов в арсенале советского флота было немного и вместительность судов такого класса не предполагала перевозок, ученый громогласно взялся доказать на деле, что вслед за ледоколом по Северному пути может пройти грузовой караван.

— Вы только поглядите, Владимир Иванович, — обернулся Шмидт к Воронину, — как трудится наша «слабосильная» команда! Каковы, а? А ведь их матросы с плотниками поначалу на смех подняли.

Отто Юльевич крутнулся на каблуках к своему помощнику и заместителю по всем хозяйственным вопросам — Бобрину:

— Анатолий Павлович, сколько уже тонн вынесли?

Бобрин уткнулся в блокнот, где скрупулезно велись все учетные записи:

— На данный момент можно уверенно сказать, что норма выработки профессионального грузчика перевыполнена.

— Вот так, Владимир Иванович, не дает спуска наша научно-творческая половина пролетарскому классу! Идет с ним в ногу и не отстает.

Шмидт умел заразить горячим словом, вселить в человека вулканическую энергию. Все его существо лучилось восторгом энтузиазма.

Воронин стоял рядом, привычного скепсиса не терял. С самого начала ему не нравилась эта экспе-

диция. Прошел он их немало, страницы его биографии распухли от подшитых в дело характеристик, описаний, отчетов и прочих казенных бумаг. Еще при царе-батюшке, в 1916-м, Владимир Иванович окончил Архангельскую мореходку и попал штурманом в экипаж парохода «Федор Чижов». Ходил два года по волнам Белого и Баренцева морей в составе Архангельско-Мурманского срочного пароходства, пока не вынырнула из ледяной пучины черная туша немецкой субмарины...

С 1926 года Владимир Иванович занимал капитанский мостик на ледоколе «Седов», его судно посылали на поиски потерпевшей крушение «Италии», но найти затерянную экспедицию в тот раз повезло другому экипажу. Три похода вынес Воронин бок о бок со Шмидтом и до сих пор ему не верил. Наверняка потому, что успел узнать Шмидта, как никто другой.

Письмо от Отто Юльевича нашло Воронина в Крыму, где он заживлял открывшийся после похода на «Сибирякове» ревматизм, подлечивал здоровье. Как всегда, слог у Шмидта был пылким и напористым:

«Дорогой Владимир Иванович! Правительство решило в самый кратчайший срок окончательно освоить Северный морской путь. В этом году будет вновь организована экспедиция по Ледовитому океану. Начальником этой экспедиции назначен я. Разумеется, первое условие для выполнения такого задания — приглашение капитана... Естественно, что не толь-

ЧЕЛЮСКИН. В ПЛЕНУ ЛЕДЯНОЙ ПУСТЫНИ

ко мы, но и вся страна хочет видеть Вас водителем корабля в этом рейсе».

Воронин развернутым листом письма долго прикрывал свое лицо с зажмуренными глазами. Потом выроненный лист плавно запорхал, спустился на кафельную плитку бывшего дворца, а ныне всесоюзного профилактория. Глаз он так и не раскрыл, уперев локоть в подлокотник плетеного кресла, пальцами сжимал себе лоб: «Опять неугомонного немца тянет к черту на рога... Уж на что я льдами битый, а и то удивляюсь».

В Ленинграде длинные руки Шмидта заключили Воронина в дружеские объятия:

— Владимир Иванович! Дорогой вы наш! Приехали!.. Знал, знал я, что не усидите в Ялте, когда услышите о нашем замахе!

Сдержанный Воронин ответил легким кивком, но руку Шмидту пожал как положено, стальной хваткой.

— Я, Отто Юльевич, положенный срок в лечебнице отбыл, вы не думайте, что несся к вам, сбивая шлагбаумы. То, что стою перед вами, еще не аргумент к моему согласию, которое вы себе скоропалительно надумали.

— Узнаю старого ворчуна! — тряслась от заразительного смеха борода Шмидта. — Бросьте, Владимир Иванович! Экспедиция готовится грандиозная! Все, что было до этого, все, что прошли мы с вами на «Седове» и «Сибирякове», вместе взятое, все это перечеркнет будущий поход. Небывалая значимость. Москва посылает двух киноопе-

раторов, штатного художника, от «Правды» едет обозреватель. Еще не начался поход, а о нем уже трубит зарубежная пресса.

Воронин въелся в него глазами: «Чем старше становишься, тем больше в тебе честолюбия... Мало тебе газетной шумихи после сквозного похода на «Сибирякове»? Мало тебе славы?»

А вслух произнес:

— Вы хотя бы знаете судно, на котором предстоит поход? Может быть, бумаги на него имеются с техническими характеристиками?

— К чему нам бумаги? Судно скоро придет в Ленинград, сами с ним познакомитесь. Когда писал вам письмо, пароход уже был спущен на воду.

— А я некоторые документы уже разыскал. Полномочный представитель Раскольников пишет из Копенгагена, что данный тип судна к плаванию в Арктике непригоден, — сухо процедил Воронин.

— Владимир Иванович, нашли кого слушать — штатского человека, моря не нюхавшего, — убивал своей белозубой улыбкой любые возражения Шмидт на взлете.

— Раскольников служил во флоте.

— Простым матросом, — не переставал насмехаться Шмидт. — Он последние мозги пятнадцать лет назад в «балтийском чае»¹ утопил, когда на Лариске Рейснер женился.

¹ Коктейль времен революции — стакан водки с ложкой кокаина.

— Ну, это к делу не относится, — поспешил заметить Воронин, зная, что Шмидт обзавелся третьей по счету официальной женой, и слышавший, что среди многочисленных партнеров усопшей Рейснер успел побывать и сам Отто Юльевич.

— Именно так, не относится! А относимся к делу мы с вами, Владимир Иванович. У вас же неофициальное прозвище — «главный лоцман Северного морского пути», — разливал озеро лести Шмидт.

— Дело не в наших с вами заслугах, Отто Юльевич. Вам и без меня хорошо известно, что в Арктике год на год не приходится, погоды очень изменчивы. Нет системы оповещения и прогнозов ледовой обстановки. С такой, как у нас, неразвитой системой прогнозирования каждый поход — первопроходческий, шаг в неизвестность. То, что мы прорубили в прошлом году на «Сибирякове», — огромная удача... И то винт обо льды сломали.

Шмидт заметно пригасил свой пыл, осознал, что Воронина следует брать иным способом — долго, утомительно и настойчиво.

— Владимир Иванович, если бы вы знали, как дорог мне ваш ум и ваша обстоятельная расстановка. Но и вы поймите задачу страны. Северный морской путь невероятно перспективен, его надо прорубить, как окно в Европу.

— Отто Юльевич! Я не спорю с перспективностью этого маршрута, но путь во льдах — невероятно тяжелый, вам это и без меня известно. Арктику

не завоеешь в один сезон. Ее надо покорять последовательно, отвоевывать метр за метром. Маршрут оснастить метеостанциями и радиостанциями, портами, базами угля, поселками с обслуживающим персоналом, ремонтными базами. Все это дело растянется не на один год.

Шмидт долго рассматривал Воронина в упор, не теряя задорной лукавинки в глазах, растягивая спрятанную в бороду улыбку, наконец дружелюбно вымолвил:

— Согласен от первого слова до последнего... Только забыли вы, Владимир Иванович, в какой век мы с вами живем. Пятилетка к концу идет, ее обещали в четыре года завершить. Весь народ как один надрывается на строительстве нашего с вами будущего... А мы вольтить будем?! Освоение Севморпути на десятилетие растянем? Нет, дорогой Владимир Иванович! Здесь нужен скачок, прорыв в коммунизм, а не плавное его завоевание. Время не ждет.

Воронин понимал, что Шмидт прав. Время и эпоха, их окружавшая, требовали от них именно того, о чем говорил Шмидт, и все же он не мог перебороть в себе железобетонного здравого смысла. Шмидт, видя его сомнения, решил заколотить последний гвоздь:

— Владимир Иванович, я надеюсь, вы же понимаете, что согласия вашего я прошу лишь из великого уважения к вам. Одно мое слово, и вам сверху спустят приказ. И вы его исполните.

Воронин еще долго «любовался» лукавой усмешкой Шмидта, прежде чем вымолвить:

— Спасибо, что цените мою добрую волю.

В начале мая судно, сошедшее со стапелей в Копенгагене, отправилось в испытательный поход, а меньше чем через месяц оно уже стояло в порту Ленинграда. На борту значилось имя сибирской речной магистрали — «Лена». Командовал судном капитан торгового флота Биезайс. Он принимал у датчан сам корабль и всю отчетную документацию.

Забродили слухи, что в экспедицию пароход поведет тот, кто забирал его из Копенгагена. Воронин быстро поверил этим слухам и облегченно выдохнул. Вскоре его пригласили на осмотр «Лены», и Владимир Иванович понял — от него не отстанут. В рейсовом отчете Воронин не церемонился в своих характеристиках: «Набор корпуса слаб, ширина большая, скуловая часть будет подвергаться ударам льда, это скажется на корпусе. «Лена» непригодна для северного рейса».

Шмидт и теперь, на заседании комиссии, принял на себя роль пожарного — гасил тревогу Воронина:

— Дорогу для «Лены» будет торить «Красин», на него ляжет основная борьба со льдом.

— Повторяю: на этой посудине можно идти до первой крупной льдины, — сдержанно настаивал его оппонент.

Шмидт раскладывал по столу кипы отчетов:

— По документам «Лена» — современный грузопассажирский корабль, построенный в соответствии со специальными требованиями Ллойда, усиленный для навигации во льдах. В пресс-релизе фирмы-строителя пароход отнесен к судам ледокольного типа. Вот, пожалуйста: «the ice breaking type», — ткнул пальцем Шмидт в бумагу. — «Для специального торгового мореплавания, для арктической торговли».

Воронин в безнадее всплеснул руками, сдерживая себя, сказал:

— Корпус парохода чрезмерно широк, без усиливающих конструкций, я категорически отказываюсь идти на нем в Арктику.

Слово взял Киров. Глядя в глаза Воронина, попросил с дружеской ноткой в голосе:

— Владимир Иванович, этот опыт, несомненно, будет вам полезен. Стране нужны мудрые вожди, а кто может быть мудрее полярного капитана? Вы уже доказали свою преданность, но и оставить вас не у дел я не имею права. Биезайс поведет пароход, а вы, Владимир Иванович, должны быть на нем в качестве первого помощника.

— Исключено! — встрял Шмидт. — Биезайс никогда не согласится быть начальником у более заслуженного полярника.

— Тогда, — на секунду задумался Киров, — идите в поход... простым пассажиром.

Добрая часть комиссии разинула в удивлении рты.

ЧЕЛЮСКИН. В ПЛЕНУ ЛЕДЯНОЙ ПУСТЫНИ

— А что, грамотная мысль, — подхватил Шмидт. — Поход для вас, товарищ Воронин, будет ровно прогулка. Отдохнете в приятной компании, белыми ночами полюбуетесь, привычно хлебнете арктического ветра. А когда у Биезайса трудности возникнут — дадите дружеский совет.

Воронин все еще колебался, но авторитет и слова самого Кирова перевесили чашу:

— Если так, что ж... Никогда еще пассажиром во льдах не оказывался.

* * *

Июльское солнце, скупое для невских широт, пекло головы людей и накаляло гранит. Набережная наполнена народом. Город провожает в путь своих героев — новых первопроходцев порядком изученной планеты, на шкуре которой почти не осталось белых пятен.

Судно водоизмещением в семь с половиной тысяч тонн осело ниже ватерлинии на полметра. В трюмах — тройная норма угля — три тысячи тонн: для самого парохода, для ледокола «Красин» и для ледореза «Федор Литке», который должен встретить пароход в Беринговом проливе и повести его дальше. По пути пароход зайдет на остров Врангеля, завезет туда группу геодезистов, там, на полярной станции, люди работают без смены уже четыре года. С научным народом погружено огромное количество оборудования, лес для постройки

домов, для корпусов разросшейся полярной станции, пятьсот тонн пресной воды, есть на борту живая корова и свиньи. Воистину — Ноев ковчег.

Воронин оглядывал осевшие в воду бока судна, крутил головой с досады: части, готовые оказать сопротивление льду, оказались под водой.

Пароход еще до начала похода переименовали. На борту, под печатными литерами кириллицы, лепились латинские буквы чуть меньшего размера, с русским, таким неудобным для иностранного языка и уха названием — «Cheliuskin».

Промов опрокинул брикет с углем в общую кучу. На корме выростали бурты вынутых из чрева корабля мешков. Третьи сутки не утихала авральная перегрузка. Преисподнюю трюмов вручную освобождали от сотен тонн угля. Два дня назад носовая часть «Челюскина» не выдержала постоянного бодания со льдами, из-под расшатанных шпангоутов появилась первая течь. Требовалось перераспределить груз, чтобы место трещины в корпусе парохода приподнять над водой. Корма под тоннами угля оседала глубже, нос задирало в гору, течь постепенно слабела.

Там, откуда ушел пароход в свое плавание, еще вовсю жарило лето, а здесь, за полярным кругом, короткий период тепла истаял, льды с каждым днем сдвигались плотнее.

Поход задержался, старт был дан с большим опозданием: долго грузились и решали технические вопросы в Ленинграде, по пути зашли в доки Копенгагена и устранили выявленные в дороге дефекты, потеряли драгоценные теплые дни, сверяя и улаживая финансово-бумажную сторону проекта. Здесь выяснилось, что Биезайс не может вести

судно, так как должен лично участвовать во всех бумажных отчетах с датской фирмой-производителем. Решили временно передать управление судном Воронину, а Биезайс снова поведет пароход из Мурманска, доскочив туда по железной дороге.

Обогнув Скандинавский полуостров, «Челюскин» вышел из Мурманска только 2 августа. Здесь на борт взяли недостающую часть экспедиции: плотников, печников и прочий рабочий люд, ехавший зашибить длинный рубль на постройке полярной станции.

Воронин сменщика своего в Мурманске не дождался. С тяжелым сердцем повел он пароход дальше, до Владивостока.

Промов разогнул спину. Пока шел по палубе к трюму, бросал короткие взгляды на капитанский мостик, с сочувствием поглядывал на нерадостного Воронина. Капитан был более симпатичен ему, чем вызывавший у всех восторг Шмидт. Промов и сам старался не пороть горячку и оставаться рассудительным. Случай шестилетней давности научил его этому.

...Бархатный сезон в Крыму творил свои законы. На каждом углу орудовали торговцы. Ветер гонял по пляжам одинокие обертки эскимо, играл их серебром на солнце. К вокзалам стекались отбывшие свой срок пациенты профилакториев, с вокзала — по гостиницам, домам отдыха, санаториям и просто частным квартирам растекались новые толпы временных жильцов побережья.

Промов встретил в тот день коллегу из соседнего издательства.

— Борис Вадимович! — услышал он у себя за спиной. — Не притворяйтесь, что не узнали меня.

Он и вправду не узнал ее в жуткой пляжной мешанине, где передвижение было сродни ходьбе по минному полю — того и гляди угодишь ногой на чье-нибудь расстеленное покрывало, полотенце или распластанную на них часть тела.

Промов огляделся: через завалы человеческих тел к нему карабкалась Ольга, фотохудожница крупного издательства, одно время они работали вместе.

— Я не то что не узнал тебя, Оленька, разглядеть здесь знакомого человека просто невозможно.

— Ах, перестань оправдываться, лгун, — она добралась до него и по-комсомольски пожала руку, — так и скажи: просто не хотел здороваться. Я тебя еще вчера в профсоюзной столовке заметила, думала, позвать или нет?

Промов нелепо молчал. Кажется, он ей немного нравился, или это он сам себе навывдумывал. Да и было это год назад, когда их кабинеты были по соседству, а теперь... Что тут скажешь? Не видел он ее, ни вчера в столовке, ни сегодня на переполненном пляже, пока она его не окликнула. У их ног полная женщина в халате пестовала дитя:

— Вот, Изюньчик, складывай тут дынные корки, а сюда — кукурузные качанчики. Когда будем уходить, завернем все в бумагу и выбросим в урну. Приучайся к порядку, тебе скоро в пионеры.

Рядом сидела такая же полная дама, но значительно старше первой, с полуседой шевелюрой, укрытой соломенной шляпой с розовой лентой на тулье. Она воспитывала ребенка великовозрастного, на вид ему было, как Промову, чуть за двадцать:

— Ёся, замолчи свой рот и береги голову, не подставляйся солнцу. Такой головы, как у тебя, во всем Житомире не сыскать.

Ольга прервала паузу:

— Ну, раз сегодня ты мне второй раз попался — идем со мной. Мы с подружкой пришли пораньше, заняли себе место с запасом, так что и ты уместись. Ты один, кстати, или с компанией?

Промов уже пробирался за ней, обходя тела с различной степенью загара:

— Спасибо за предложение, Оленька, с радостью его принимаю, целое испытание — отвоевать в Алуште свое место под солнцем. А я один, совсем один... в своем здоровом коллективе.

Ольга коротко расхохоталась. Промов давно заметил: чем более к тебе расположена девушка, тем смешнее твои шутки.

— Семей не обзавелся?

— Что ты, когда бы я успел? Мы всего год не виделись.

— Разве это дело долгое?

— Да нет, дело быстрое, но пока никого не встретил.

— Смотри, доперебираешься, как бы с носом не остаться.

— Что-то ты не с того беседу начинаешь, не в ту степь нас понесло.

— А вот мы и пришли, — перебила его Ольга.

На пляжном покрывале лежала русоволосая девушка — подруга Ольги. Она давно их заметила, но встала на ноги только теперь, когда они приблизились.

— Это моя соратница, вместе в «Динамо» ходим, беговую дорожку топчем. А это мой коллега по цеху, тоже работник печатного слова. Знакомьтесь, зайцы!

Промов первым протянул ладонь:

— Борис.

Ольгина спутница пожала ему руку, как и сама Ольга, — без жеманства и всякого намека на женское кокетство:

— Ксения.

Лицо ее было широкое, но не массивное, черты выразительные, не особо крупные, глаза — синне-зеленые, во всем облике заметна русскость, славянство. Из-под челки на лоб полз давно затянувшийся шрам. Фигура плотная, словно у крестьянки, — сбита работой, а у самой Ксени, безусловно, — спортом. Купальный костюм — сплошной, с закрытым животом. Промов улыбнулся и подумал: «Лучше бы вот такие подставлялись солнцу без одежды, а не те, что валяются за камнями, лень им даже от пляжа подальше отойти».

При старом режиме, Промов это помнил отчетливо, множество людей на крымских пляжах лежа-

ли и купались в натуральном виде, некоторое время при советской власти их еще оставалось порядком, но с каждым годом культура отдыха вытесняла натурастов с общественных пляжей на окраины.

Сам Промов имел атлетическое сложение, держал дома гантели, жал по утрам гирию и даже научился перебрасывать ее с руки на руку, хотя однажды не поймал и долго потом выслушивал упреки от соседей снизу, после чего вынужден был тренировки с «жонглированием» прекратить.

Ксения на улыбку Бориса ответила своей улыбкой. Руки их задержались чуть дольше, чем полагалось при обычном пожатии.

Ольга тут же быстро заговорила, стала расспрашивать Бориса, где он поселился, давно ли в Алуште, как долго еще намерен задержаться. У девчонок оказалась холодная бутылка сельтерской и бутерброды, они принялись ухаживать за Промовым, угощать его. Выяснилось, что живут они неподалеку, их квартиры разбросаны в получасе ходьбы. Решили встретиться вечером, прогуляться вдвоем по набережной.

Тот вечер выдался беспокойным. Кошки бегали по городу в непонятной тревоге, жались к ногам хозяев и просто случайных прохожих. Собаки подвывали, а те из них, что не были на привязи, тоже довольно подозрительно льнули ко всем встречным людям, словно просили защиты. Над окраинами и татарскими кварталами стоял коровий рев, будто скотина жаловалась на свою нелегкую долю.

Отпускники морщили носы, дивились здешней обстановке:

— Что за цыганский табор? Не курорт, а скотный двор.

Промов этой городской суеты почти не замечал. Взяв его под руки, слева и справа шагали девушки. Еще днем на пляже он заметил, как смотрит на него Ксения, и сдерживал себя, боясь, что и она заметит кое-что в его глазах. До той поры, пока он не убедится точно в чувствах своей новой знакомой, Борис решил себя не выдавать. Во взгляде Ольги и ее бесперебойном щебете он улавливал ее теплое соучастие, казалось, и Ольга рада этому их едва намотившемуся союзу.

Они заявили было на какую-то скучную лекцию, посидели у входа на летнюю веранду, но быстро сообразили — надо ретироваться. Попали на уличный концерт-конкурс: постелив на мостовой лист фанеры, соревновались мастера степа. Заломив на затылок кепку и скинув легкий светлый пиджак, местный парняга выбивал набойками четку. Его окружила толпа курортников, ждали окончания номера. На низеньком табурете сидел пожилой мужчина в украинской рубаше с вышитым воротом, шевелил руками над клавишами аккордеона — плавно лилась по улице мелодия.

Женский голос вскрикнул в толпе, заржала лошадь, в сторону шарахнулась часть толпы. У коновязи мотало длинной головой животное, беспокойно топтало землю, било задними копытами воздух,

как взбесившееся. Недоуздок наконец лопнул, и лошадь помчалась вдоль улицы, распугивая прохожих.

— О господи! — прижалась к Промову Ксения. — Какая сегодня и вправду суета.

— Пойдемте к морю, девушки? Может, там спокойнее? — предложил Промов.

От пирсов и причалов торопливо шли рыбаки в брезентовых робах и высоких резиновых сапогах. В их речах тоже слышалась тревога:

— За всю жизнь такого не видел — море спокойное, бриз утих, ни ветерочка... а зыбь на воде. Скажи — откуда?

— Рябь по воде гуляла, сам видел, вроде как изнутри вода кипит.

— Тихомирова знаешь? Всегда об эту пору у него заплыв, уж насколько смельчак, а и он сегодня отвернул.

На берегу еще бродили компании и парочки, двое стояли у самой воды, провожая солнце. Оно уже полностью опустилось в море, лишь его прощальные приветы гуляли на редких облаках. Бежал закутанный в полотенце ребенок, за ним, разыгрывая погоду, торопилась мать. Среди тишины и легкого шороха воды у берега звенел детский счастливый смех...

Потом задрожала галька на пляже, послышался шелест, словно поднялись в небо несметные полчища саранчи. Промов, опираясь на ограждение пирса руками, заметил, как море отшагнуло, как будто кто-то вылакал его одним махом, надхлебнул огромной пастью, — показалось мокрое, устелен-

ное плоскими камешками дно, блеснула на секунду пустая бутылка зеленого стекла. Все как один люди на пляже ахнули... и море отпрыгнуло воду обратно.

Волна срезала тех, кто бродил по берегу, впечаталась в каменный пирс, разбилась об него. Промова и его подруг окатило теплыми брызгами, все трое на секунду зажмурились и шарахнулись прочь от ограждения.

Борис отряхнул с полосатой тенниски воду, обернулся к пляжу. Подхваченный матерью ребенок рыдал у нее на руках, коленка его сочилась кровью, а полотенце украло море. Вымокшие в волне парочки бежали в город.

Им, тоже намокшим, только и оставалось, что идти по домам. Промов вызвался проводить подруг до их квартиры, они отказались, только указали крышу трехэтажного многосемейного дома, торчавшую над частными постройками.

— Заскочу завтра к вам, — пообещал он.

— Давай лучше на пляже встретимся. Приходи пораньше, на наше место, — сказала Ксения.

— Гляди не проспай, лежебока, — напоследок бросила Ольга на правах старой знакомой. — Не проворонь! — И выразительно скосила глаза на свою подругу.

Промов проснулся темной ночью, над городом стоял собачий вой. Выли собаки на разные лады и так громко, что становилось ясно — нет сегодня среди них ни одной молчащей. Борис нащупал на тумбочке ручные часы, хотел узнать вре-